

ВОСПОМИНАНИЯ ВЕЛИКОГО АРТИСТА

Мамонтов, похлопал меня по плечу и посоветовал дружески:

— Бросьте нервничать, Феденька! Возьмите себя в руки, прикрикните хорошенько на товарищей, да сделайте-ка немножко посильнее первую фразу!

Я сразу понял свою ошибку. Да, Грозный был ханжа, но он был Грозный. Выскочив на сцену, я переменил тон роли и почувствовал, что взял верно...».

Зимой 1898 года опера Мамонтова приехала на гастроли в Петербург. Успех Шалаяпина в северной столице был потрясающим. Знаменитый русский критик В. В. Стасов был до глубины души растроган появлением на Руси нового великого сценического таланта и посвятил Шалаяпину восторженную статью «Радость безмерная», помещенную в приложении к рецензируемой книге. В ней В. В. Стасов писал:

«В настоящую минуту — одним великим художником у нас больше. Это — оперный певец Шалаяпин, нечто необычное и поразительное на русской сцене. Это еще юноша..., но создавший такого «Ивана Грозного», какого мы еще никогда не видели ни на драматической, ни на оперной сцене...».

С этого момента между молодым певцом и 75-летним В. В. Стасовым зародилась дружба. И последние страницы воспоминаний Ф. И. Шалаяпина посвятил этому неукротимому собирателю и вдохновителю русских талантов. В. В. Стасов уже тогда заботился о том, чтобы Шалаяпина узнали европейские ценители искусства, предсказывал молодому артисту великое будущее.

Слова В. В. Стасова сбылись. Ф. И. Шалаяпин стал всемирно знаменитым оперным артистом, одним из тех людей, которыми, несмотря на совершенные ими тяжелые ошибки, заслуженно гордится русский народ.

Н. БЕРЕГОВ

Воспоминания великого русского артиста Ф. И. Шалаяпина, написанные им при непосредственном участии А. М. Горького и составившие книгу «Страницы из моей жизни»,*) не переиздавались с 1926 года. С тем большим волнением и интересом раскроет читатель эту небольшую, культурно изданную книгу.

Чем интересны, чем поучительны мемуары Шалаяпина? Прежде всего тем, что они камня на камне не оставляют от упрямой легенды о том, что Ф. И. Шалаяпин добился выдающихся результатов очень легко.

Страницы воспоминаний Ф. И. Шалаяпина говорят о том, что ему, сыну вечно пьяного мелкого чиновника, выросшему в условиях нищеты и голода, удалось подняться до высоты человеческой культуры, создать гениальные сценические образы только благодаря исключительному трудолюбию, настойчивости, воле к победе.

«Я был вынослив, как верблюд, — смеялся Шалаяпин в одной из глав своей книги, — и мог петь круглые сутки. За эту страсть к пению меня даже из квартиры выгоняли».

Ф. И. Шалаяпин рассказывает о событиях своей жизни, начиная с ранних детских лет и кончая выступлением на столичной сцене, принесшем артисту заслуженное признание широких слоев русской публики, явившимся началом его всемирной славы. Таким образом, книга охватывает хронологически около двадцати лет и повествует преимущественно о трудных временах в жизни артиста, временах его первых сценических дебютов, среди которых преобладали неудачные.

Вот как описывает один из них сам автор:

«Помню, отворили дверь в кулисы и вытолкнули меня на сцену. Я

*) Ф. И. Шалаяпин «Страницы из моей жизни». Государственное издательство изобразительного искусства и музыкальной литературы, 1956 год.

отлично понимал, что мне нужно ходить, говорить, жить. Но я оказался совершенно не способен к этому. Ноги мои вросли в половицы сцены, руки прилипли к бокам, язык распух, заполнив весь рот, и одервенел. Я не мог сказать ни слова, не мог пошевелить пальцем. Но я слышал, как в кулисах шипели разные голоса:

— Да говори же, чертов сын, говори что-нибудь!

— Окаянная рожа, говори!

— Дайте ему по шее!

— Ткните его чем-нибудь...

Перед глазами у меня все вертелось, многогласно хохотала чья-то огромная грубая пасть; сцена качалась. Я ощущал, что исчезаю, умираю».

Но ни скандальные провалы, ни нищенское существование провинциального актера, ни зависть товарищей по сцене не могли заставить Ф. И. Шалаяпина свернуть в сторону с облюбованного пути. Преодолев позор неудач и горечь многочисленных унижений, он стал в Тифлисе учеником профессора пения, бывшего артиста императорских театров Усатова. Это был первый человек, который понял, что перед ним стоит артист с большим будущим, и приложил немало сил, чтобы отшлифовать, окультурить могучий голос Шалаяпина. Он же дал Шалаяпину рекомендации на столичную сцену.

Однако народный, демократический талант Шалаяпина претил чопорной публике, заполнявшей залы императорских театров. Артист стремился исполнять произведения русских композиторов, такие, как «Камаринская» М. Мусоргского, а театралы, увлекавшиеся западной музыкой и презиравшие отечественное искусство, встретили выступления Шалаяпина холодно, почти враждебно.

Подлинная радость творчества

пришла к артисту только тогда, когда он, разорвав контракт с императорским оперным театром, перешел на сцену Московского частного соловниковского оперного театра, фактическим вдохновителем и руководителем которого был известный меценат купец Савва Мамонтов. Здесь Шалаяпин осуществил новаторскую мечту о соединении оперы с драмой.

Л. Н. Толстой отметил как-то, что и в искусстве самое главное — сказать что-нибудь свое. Шалаяпин тем и велик, что не остался талантливым подражателем своих предшественников, смело сломал сложившиеся оперные традиции, согласно которым исполнитель, выходя на сцену, только пел, а не играл свою роль. Ф. И. Шалаяпин создал не только вокальные, но и драматические образы героев опер, преимущественно русских композиторов.

Началом славы Ф. И. Шалаяпина явилось исполнение им роли Ивана Грозного в опере Н. А. Римского-Корсакова «Псковитянка». Артист долго изучал картины и скульптуры великих художников, изображающих Грозного, советовался с историками, но правильное решение образа пришло не сразу. Вот как сам он рассказывает о своей работе над ролью:

«Но каков был мой ужас, когда я пришел режиссировать оперу и горьким изумлением убедился, что роль Грозного не идет у меня. Я знал, что Грозный был ханжа. Поэтому слова его: «Войти аль нет», которые он произносит на пороге хором Тахмакова и которыми начинается драма, я произнес тихонько, смиренно и ядовито. В том же тоне я повел роль и дальше. На сцене разилась невообразимая скука и тоска. Это чувствовал и я и все товарищи. На второй репетиции дело пошло не лучше. Я изорвал ноты, что-то сломал, бросился в уборную и там заплакал с отчаяния. Пришел С. И.

Псковская правда

г. Псков

29 ДЕК 1958